

Г. Л. Еганов

О взглядах американских ученых на роль географической среды

Вопрос взаимоотношений между средой и человеком является георетическим стержнем всякого экономико-географического исследования. И не случайно, что советских географов разделяют от буржуазных принципиальные разногласия по этому вопросу.

Марксистско-ленинская наука не раз возвращалась к этой проблеме и на основе углубленного анализа развития общественных отношений решительно отвергла определяющее значение окружающей (географической) среды на развитие человеческого общества, отнюдь не умаляя, однако, важного ее значения.

В большинстве книг по экономической географии, географии человека, культурной географии, политической географии, в большинстве отраслевых географий, которые выпускают американские ученые, несмотря на кажущееся концепционное различие, доказательства в пользу первенствующей роли окружающей среды отобраны тенденциозно и повторяются от книги к книге.

Уже у порога XX века капиталистические производственные отношения становятся помехой в развитии производительных сил общества. Колоссально развившиеся и обобществившиеся средства производства пришли в непримиримое столкновение с частнокапиталистическим присвоением результатов труда миллионов. И именно в этот период особенно обостряется борьба рабочего класса за свои права, которая в капиталистических странах ведется и по сей день.

Естественно, что в этой борьбе для капитализма все средства хороши, и среди них не последнее место занимает идеологическая экспансия на умы людей. Среди этой системы идеологического наступления на пролетариат одной из ведущих теорий является теория географического детерминизма, посредством которой оправдываются или замалчиваются все отвратительные деяния капитализма как в прошлом, так и в настоящем, отрицается антагонистическая социальная разобщенность капиталистического мира, проповедуется классовый мир. Так, например, колониальные захваты, порабощение народов, сопровождавшиеся потоками крови, неслыханными зверствами, преподносятся теоретиками географического детерминизма как исключительное свойство избранных наций, которые в свою очередь объясняются какими-то особенными климатическими условиями, географической средой.

Чем же полюбилась буржуазным, в данном случае американским, экономико-географам эта теория? Прежде всего, пожалуй тем, что, объясняя причинную зависимость развития человеческого общества от природных факторов, она этим подчеркивает „постоянство“ не только капиталистических порядков, вызванное относительной константностью природных факторов, но и выделяет отдельные нации в разряд исключительных, призванных якобы быть, по меньшей мере, лидерами в цивилизованном человеческом обществе.

В конце XIX — начале XX в. в американскую географию все настойчивее проникают взгляды географического детерминизма, которые в европейской и в особенности немецкой географии уже получили широчайшее распространение. Таким переводным рычагом, переместившим эти идеи в американскую географию, явилась деятельность Элен Симпл, с именем которой было связано течение под названием энвиронментализм. Следует отметить, что это течение, исходя из своей вульгарно-географической сущности, всегда подчеркивало приспособление человека к среде, но не преобразование человеком среды. Такой постановкой вопроса как бы ставился предел человеческим возможностям, предел, за которым человек становится беспомощным.

Такая точка зрения доминирует и сейчас среди американских географов, хотя уже и некоторые из них отходят от нее, в то же время оставаясь на позициях географического детерминизма. Один из соратников Симпл и идеологов энвиронментализма, Берроуз, в 1922 г. заявлял, что отношения в географии должны изучаться „из человеческого приспособления к окружающим условиям скорее, чем наоборот“¹.

Давно известно, что когда ученые капиталистического мира работают в отраслях естественных наук, их исследования заслуживают самого серьезного внимания, и достижения их в этих отраслях очень часто представляют значительную научную ценность. Однако куда меньшего доверия заслуживают их изыскания в общественных науках. Место добросовестности занимает неприкрытая апологетика капиталистических порядков. Серьезная, объективная оценка общественных явлений, происходящих в мире, подменяется субъективным освещением этих вопросов. Данные естественных наук, насколько это возможно, притягиваются для подведения базиса под те или иные социально-общественные теории, оправдывающие капиталистическую систему хозяйствования и дискредитирующие социализм.

Разумеется, географическая наука в этом отношении не является в буржуазных странах исключением, и решение важнейшего вопроса взаимоотношений между человеком и окружающей его средой всецело подчинено классовым требованиям капиталистического мира. Когда американские ученые занимаются проблемами физической географии,

¹ Цит. по книге R. Hartshorne, *The Nature of Geography*, 1946, p. 123.

го можно найти немало ценного в их исследованиях, и не случайно, что эти вопросы, необходимые для экономической географии, в трудах американских географов представляют определенную научную ценность, но как только американский географ обращается к вопросам деятельности человека, он, неизбежно сталкиваясь с его многообразной социально-экономической деятельностью, стремится осветить ее с субъективно-классовых позиций капиталистического мира.

Таким образом, те буржуазные ученые, которые считают своим долгом оберегать капитализм, не в состоянии беспристрастно рассмотреть роль человеческой деятельности и определить настоящее ее место в общественном развитии. Этим объясняется то, что американские географы, пока что в подавляющем большинстве, не только не хотят, но и не в силах сдвинуться со своих позиций. А те ученые, которые уже поколебались, опасаются глубже рассмотреть роль человеческой деятельности, роль общественно-экономических отношений, роль способа производства в развитии человеческого общества.

Вопрос о том, что взаимоотношения человека и природы создают самый стержень экономической географии, не вызывает никаких возражений. Географы Э. Кейс и Д. Бергсмарк подчеркивают, что „сцена взаимоотношений между человеческим действием и природной средой является самым сердцем географии“². Но, как уже отмечалось, этот вопрос буржуазными учеными решается в смысле подчинения человека окружающей средой.

В американской действительности взгляды Симпла как географа уже давно устарели, тогда как ее энвиронментализм был воспринят и усовершенствован применительно к запросам сегодняшнего дня капиталистического мира. Одним из более или менее видных пропагандистов энвиронменталистических концепций являлся Берроуз. Однако он, в лучшем случае, был пропагандистом с определенным налетом симпловской архаичности.

Наиболее крупной фигурой послесимпловского периода развития американской географии являлся Элсуорт Хентингтон. О его значительном влиянии на развитие современной американской географии признают сами американские ученые. Стефен Вишер отмечает, что деятельность Хентингтона „значительно воздействовала на позднейших исследователей“³. Географы Э. Кейс и Д. Бергсмарк заявляют, что хентингтоновская теория, касающаяся климата и человеческой энергии, „широко воспринята как фундаментальная“⁴.

На основе своих исследований Хентингтон составил карты, показывающие зависимость здоровья и жизненной энергии от климата и зависимость уровня цивилизации от климата⁵. Механически применяя

² Earl C. Case and Daniel R. Bergsmark, *Modern World Geography*, 1949, p. VI.

³ *Geography in the XX century*, 1953, p. 198.

⁴ E. Case and D. Bergsmark, *Modern World Geography*, p. 26.

⁵ См. Харлоу Шепли, *Изменение климата*, М., 1958, стр. 58—59.

климатические данные, он подразделяет весь мир на очень высокую, высокую, среднюю, низкую степени здоровья и жизненной энергии и цивилизации. В результате у Хентингтона получается, например, что степень цивилизации в Закавказье, Поволжье, Донбассе низкая, а в Новой Зеландии и на острове Тасмания — очень высокая, или же уровень здоровья и жизненной энергии на Кавказе — средние, а на Огненной Земле — высокие. Очень высокие уровни здоровья и жизненной энергии и цивилизации, согласно климатическим „оптимумам“ Хентингтона, имеют место лишь в большей части Соединенных Штатов и в странах Западной Европы. Теория климатических оптимумов Хентингтона помогает ему „научно“ обосновать исключительность Соединенных Штатов и в меньшей степени — их западноевропейских партнеров.

На основе каких исходных позиций Хентингтон так произвольно подразделяет мир на уровни цивилизации? Он считает, что лучшими районами мира являются те, которые подвержены температуре от 15 до 25°C. Далее, он считает, что чем резче колебания температур в пределах вышеуказанных показателей, тем активнее деятельность человека, и наоборот, чем более спокойна кривая температуры, тем меньше стимулирующих моментов в деятельности людей. Вот та основа, на которой Хентингтон делает свои сомнительные заключения. Вся социально-экономическая деятельность людей вызвана, на его взгляд, этими всеисильными климатическими данными. Таким образом, народы, лишенные таких благотворных воздействий климата, навсегда должны оставить всякую надежду на такой прогресс, который позволит им дотянуться до стран, облагодетельствованных вышеуказанными лимитами температур.

Именно такой вывод делают из хентингтоновской теории температурных ограничений Э. Кейс и Д. Бергсмарк. Они пишут: „Таким образом, она (хентингтоновская теория. — Г. Е.) показывает, что районы, обладающие самым стимулирующим климатом, являются наши, которые достигли наивысшего промышленного развития“⁶. Теперь становится ясным, какую неоценимую услугу оказал Хентингтон своей теорией климатических оптимумов американской буржуазии и почему так охотно за нее хватаются сегодня наиболее рьяные апологеты империализма.

Хентингтон своей концепцией климатических оптимумов оставил очень глубокий след в кругу своих последователей, а их, надо сказать, и сегодня очень много среди географов Соединенных Штатов. Как правило, все авторы, которые вслед за Хентингтоном признают такую преувеличенную социальную роль климата, совершенно обходят вопрос социально-экономических отношений внутри данного района или страны, их совершенно не интересуют исторические причины прогресса или отставания тех или иных народов. Они и не стремятся

⁶ E. Case and D. Bergsmark, *Modern World Geography*, p. 26

задать себе вопрос: только ли климат является основным задерживающим фактором, например большинства азиатских стран, и только ли исключительно благоприятные географические условия обеспечили экономический расцвет некоторых западноевропейских стран и Соединенных Штатов?

Социальные карты Хентингтона воочию показывают, как удобно придерживаться его концепции — ведь они без обиняков, на основе „естественных“ данных показывают исключительность именно Соединенных Штатов и их западноевропейских партнеров. Нынешние его последователи и не думают рассматривать хентингтоновскую концепцию хотя бы в сочетании с другими аспектами, наличествующими в том или ином явлении общественной жизни. Если и климат действительно играет немаловажную роль в человеческой жизни, то преувеличенное истолкование его роли Хентингтоном привели к совершенно абсурдным выводам, и если бы действительно американские ученые попытались беспристрастно сравнить, например, климатические данные Индии и грабительскую деятельность Ост-Индской компании, то, по меньшей мере, они пришли бы к выводу, что отнюдь не только жаркий тропический климат, „не стимулирующий“ активные действия, был главной причиной того, что Индия долгие годы влачила незавидное существование колониальной страны.

Сегодняшние последователи Хентингтона на разные лады перепевают его теоретические заключения. Одно из главных мест среди этих последователей занимает географ Стефен Серджент Вишер. Он не только последователь Хентингтона, но и сам активно участвовал совместно с ним в его исследованиях и не раз был его соавтором. Являясь старейшим профессором географии в университете Индианы (с 1919 г.), Вишер выпустил немалое количество трудов в поддержку хентингтоновской климатической концепции. Главнейшими из них являются: „Тропические циклоны Тихого океана“ (1925), „Климатические законы“, „Итоговое влияние климата“ (1924), „Климат Индианы“ (1944), „Климатический атлас Соединенных Штатов“ (1950) и др. Он являлся соавтором одной из важнейших теоретических работ Хентингтона — „Климатические изменения, их природа и причины“. Вдобавок Вишер является автором многочисленных статей в ведущих географических и климатологических журналах Соединенных Штатов.

Вишер, являясь убежденным сторонником первенствующего значения климатических оптимумов, более или менее верно подходит к географическим явлениям, если они касаются влияния климата на какое-либо явление естественного характера, но как только он обобщает роль климата или старается показать воздействие климата на общественные стороны жизни, он в основном повторяет выводы Хентингтона. Все больше и больше абсолютизируя роль климата, он доходит до признания за климатом определяющей роли в преуспевании человека: „Влияние климата достигает социальной, политической и

религиозной жизни человечества. Имеется прямая связь между климатом и типом и степенью цивилизации"⁷.

Вишер, продолжая мысль Хентингтона, утверждает, что в жизни и деятельности людей часто имеет очень большое значение не средняя годовая температура, а в основном сезонные температуры с высокой, резкой и частой амплитудой между крайними точками температур. Такими районами мира оказываются Соединенные Штаты и Западная Европа и этим, оказывается, объясняется экономический прогресс и высокий уровень цивилизации в этих районах земного шара. Чтобы доказать это, Вишер проводил специальные климатологические исследования в штате Индиана, в результате которых он опубликовал вышеуказанную работу — „Климат Индианы“. В ней Вишер выявил при помощи изолиний многие существенные черты климата⁸. Эта работа имеет определенную ценность. Однако Вишер все свои данные и выводы подчинил доказательству исключительной благоприятности климата Соединенных Штатов, с которыми вряд ли может сравниться какой-либо район земного шара.

Возникает вопрос: чем же объяснить то обстоятельство, что, несмотря на такие благоприятные климатические условия, страны Западной Европы и Соединенные Штаты далеко не всегда в истории могли причислять себя к странам с высоким уровнем цивилизации? На этот вопрос большинство американских географов отвечает хентингтоновским тезисом „победного марша цивилизации к северу“, который повторяет и Вишер.

Суть этого тезиса заключается в том, что человеческая цивилизация, возникнув в основном в Египте, Греции, Риме, вооружив человека достаточной практикой, подготовила его марш к северному направлению, и здесь на севере (где амплитуда температур частая и резкая) человечество способно было создать более высокую цивилизацию, достигнуть большего успеха в своем экономическом и политическом развитии. Разумеется, такое объяснение истории развития человеческого общества не может никого удовлетворить.

Если цивилизация могла переместиться с юга на север, какая гарантия в том, что в этом ограниченном Вишером севере цивилизация всегда будет претендовать на первое место; не может ли она вновь переместиться в какую-либо другую точку земного шара? Достаточно задать такой вопрос, как апологетичность применения климатических мерок к общественной жизни станет очевидной. Эта очевидность выявляется из самого ответа Вишера на этот вопрос. Оказывается, никаких перемещений центров цивилизации более не может быть на том основании, что выше северного полярного круга температура становится вновь неблагоприятной; то же можно сказать и о жаркой Африке. Что касается районов, расположенных к западу и

⁷ Geography in the XX century, p. 196.

⁸ См. „Американская география“, М., 1957, стр. 330.

востоку от „опекаемого“ Вишером пространства, то к ним уже нельзя подойти с вышеотмеченными мерками. Вишер здесь предпочитает отмолчаться или же, в крайнем случае, повторяет старые домыслы Симпла на этот счет, одобренные хентингтоновскими модернизированными принципами о циклонических районах.

Таким образом, Вишер совершенно отрицает возможность какого-либо прогресса у эскимосов на севере и у народов центральной Африки. Отсюда недалеко и до того вывода, что Соединенные Штаты и их западноевропейские союзники самой природой отнесены к разряду господствующих наций, так же вечно, как вечна сама природа. Характерно, что Вишер с порога отвергает некоторые возражения своих же соотечественников о том, что человек не является предметом температурного контроля, не утруждая себя попыткой какого-либо вразумительного опровержения этих возражений⁹.

Представители географического детерминизма в Соединенных Штатах видят первенствующую роль в развитии человеческого общества не только в климате, но и в других компонентах окружающей среды. И в этом случае схема их „научных обоснований“ мало чем отличается от уже вышеописанной.

В такой постановке вопроса американские географы отнюдь не оригинальны. Так поступал еще Генри Томас Бокль, английский ученый, один из крупнейших защитников географического направления в социологии в середине XIX в. Вот, например, что он писал в своей книге „История цивилизации в Англии“: „Если мы станем рассматривать, какие физические деятели имеют самое могущественное влияние на род человеческий, то найдем, что их можно подвести под четыре главных разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общего вида природы“¹⁰.

Такой же схеме рассуждений придерживается и один из старейших американских географов — Уоллес Атвуд. Он с самого начала своей научной деятельности и до последних дней своей жизни (1949) строго придерживался взглядов географического детерминизма. У Атвуда в качестве определяющего фактора в жизни человеческого общества берется уже не только климат, но и рельеф. Эта идея отражена в его главнейших трудах: „Рост наций“, „Соединенные Штаты в западном мире“, „Скалистые горы“ и др.

Как и для Хентингтона, у Атвуда с самого начала его деятельности не было сомнений в том, что географическая среда является доминирующим фактором в судьбах людей. Он пытался это обосновать утверждением о том, что рельеф местности играет такую же важную роль в развитии общества, что и климат. Интересно, что если Хентингтон и Вишер, придя в географию через климатологию, т. е. будучи наиболее компетентными в этой отрасли географической науки,

⁹ См. *Geography in the XX century*, p. 203.

¹⁰ Г. Т. Бокль, *История цивилизации в Англии*, СПб, 1896, стр. 18.

ставят климат в ранг определяющих факторов в судьбах человечества, то Атвуд, являясь геологом, наряду с климатом видит в такой роли рельеф земной поверхности, он сторонник так называемого сочетания нескольких компонентов географической среды.

Во взглядах Атвуда на теоретические основы географического исследования в течение многолетней его деятельности почти не произошло заметных изменений. Еще в 1929 г. он считал, что рельеф имеет особое значение в образовании и единстве нации, а следовательно, в ее возможностях достижения прогресса и высот цивилизации. Он без дальнейшей логической опосредствованности пытается убедить в том, что именно это послужило главной причиной того, что в Соединенных Штатах „обширные природные районы и широкие, ровные пространства плодородных земель привели к развитию единой нации“, что „широта взглядов и отважность американского народа является в некоторой степени результатом обширности его территории, ее широкого, открытого пространства прерийных земель и ее удивительных ресурсов“¹¹. Но достоинства удобного рельефа, по Атвуду, должны подкрепляться соответствующим благоприятным климатом, и и обиталищем такого счастливого сочетания этих двух компонентов географической среды являются все те же Соединенные Штаты. Атвуд заявляет, что „температура в Соединенных Штатах различна от лета к зиме, она стимулирует мысль и развитие энергии народа. Сезонные изменения делают жизнь более интересной и побуждают людей смотреть вперед и работать на будущее... Климат Соединенных Штатов является поэтому фактором фундаментальной важности в развитии сильной, прогрессивной нации“¹².

Из таких исключительных свойств, которыми природа облагодетельствовала Соединенные Штаты, Атвуд делает далеко идущие выводы, граничащие с оправданием „естественного права“ его страны вмешиваться в дела других государств и подсказывать и „помогать“ им строить такую жизнь, которая будет угодна Соединенным Штатам. „Все эти важные географические факторы, — писал Атвуд, — имеющие большое значение в развитии нации, и ведут не только к укреплению внутренней силы и накоплению богатств, но и все более повышают интерес к другим нациям мира“¹³. А что же означает „повышение интереса к другим нациям“? Это, по Атвуду, „помощь“ в создании правительств в других странах, в основном в тех, которые являются источниками сырья и рынками сбыта, и чем обширнее этот рынок, тем сильнее цепкая опека американских империалистов над такой страной.

Так думал Атвуд около тридцати лет назад. Изменились ли его взгляды к концу его дней? Вот что он пишет в одной из своих

¹¹ W. W. Atwood, *New Geography*, book two, 1929, p. 100.

¹² Там же.

¹³ Там же.

последних книг, написанной с Э. Томас: „С точки зрения географии общим знаменателем является глобальная среда земли, воды и климата, которые являются самыми устойчивыми из всех факторов, воздействующих на человеческую жизнь. Человек приспосабливает себя к своей физической среде и в некоторой степени покрывает ею свои потребности, но существенно он не может изменить ее. Она продолжает существовать из века в век фактически не изменяясь, как основа, обуславливающая все его усилия“¹⁴. По-видимому, трудно высказать более определенно свою приверженность идеям географического детерминизма.

Один из представителей более молодого поколения американских географов, Джозеф Спенсер, посвятил большую часть своей деятельности изучению так называемой культурной географии Азии.

Следует отметить, что культурной географией в Соединенных Штатах и в ряде стран капиталистического мира называют ту часть географии, которая исследует так называемые культурные ландшафты земного шара, т. е. те пространства земной поверхности, где видны результаты человеческой деятельности, где усилиями человека возделаны поля, проложены дороги, построены фабрики, заводы, города.

Ученые, работающие в этой отрасли географии, с самого начала особенно четко должны себе представить те главные движущие силы экономического и, следовательно, культурного развития, которые наличествуют в том или ином районе земной поверхности. Приходится вновь подчеркнуть, что и тут большинство американских географов не отходит от позиций первенствующего значения географической среды в развитии общества. Спенсер также не составляет исключения в этом смысле. Он пишет, что „с тех пор как человек и культура находятся в постоянном контакте, ориентация в сторону физической среды необходима“¹⁵. Спенсер равно рассматривает все факторы географической среды. Он сам отмечает об этом во введении к книге „Азия с востока на юг“, говоря, что физическая среда будет рассматриваться в целом при рассмотрении культурной среды.

Несколько отличны от вышеуказанных авторов (кроме Спенсера) взгляды на природу и человека у одного из ведущих географов Соединенных Штатов Сэмюеля ван Валькенберга. Правда, это различие чисто формальное. Для него, в отличие от других авторов, нет особо облюбованных им каких-либо компонентов географической среды или даже группы их. В зависимости от необходимости обоснования того или иного нужного ему тезиса в области экономической и политической географии, он привлекает ту или иную составную часть географической среды. Здесь, по-видимому, сказалось и то, что он, в отличие от Хентингтона, Вишера, Атвуда, не является специалистом в отрасли физической географической науки. Однако это ему вовсе не препят-

¹⁴ W. W. Atwood and H. G. Thomas, *Nations Overseas*, 1950, p. 111.

¹⁵ J. E. Spencer, *Asia East by South*, 1954, p. VII.

ствуется быть одним из самых активных защитников буржуазных порядков. Он никогда, ни в одной своей книге и не пытался оспаривать или даже ставить под сомнение действия официальных правительственных кругов Соединенных Штатов.

Вообще у американских географов трудно найти страницы, где они пытались бы доброжелательно разобраться в жизни нашей страны. Ван Валькенберг же выделяется и среди них. Фанатичная ненависть этого ученого к странам социализма превзошла, пожалуй, таковую даже у Хентингтона. Уроженец Голландии, ван Валькенберг воспринял идеи реакционного направления географической мысли непосредственно в Германии — Берлинском университете, являясь учеником Альбрехта Пенка старшего (ван Валькенберг проходил курс обучения также в Утрехте и Цюрихе). Перед второй мировой войной Валькенберг обосновался в Соединенных Штатах, где преподавал в университетах Уэйна и Кларка. Он работал в отраслях экономической и политической географии, причем в последние годы он все больше и больше отдает предпочтение политической и военной географии. Валькенберг всегда поддерживал самую тесную связь с американскими географами, активно сотрудничал в основанном в 1925 г. журнале „Экономик джеографи“, где опубликовал ряд статей по географии сельского хозяйства Азии. Позднее Валькенберг смыкает свою научную деятельность с Хентингтоном, в результате чего в соавторстве с ним выпускает книги „Экономическая и социальная география“ (1934) и „Европа“ (1935). Валькенберг является автором также таких книг, как „Элементы политической географии“ (1939), „Тихоокеанская Азия“ (1947) и многих других. В годы войны под редакцией Валькенберга и при его участии был издан географический сборник „Америка в войне“ (1942).

Валькенберг совершенно определенно заявляет, что только географическая среда является определяющим фактором в экономической и политической жизни народов. Он использует хентингтоновскую теорию в сочетании со всеми другими составными частями географической среды. Валькенберг рассматривает эти компоненты каждую в отдельности, причем каждая из них имеет решающее, определяющее значение в общественной и политической жизни той или иной страны. Так, нейтралитет Швейцарии, по Валькенбергу, определяется главным образом его рельефом и бедностью минеральных ресурсов, а экономический и политический расцвет Соединенных Штатов вызван, прежде всего, благоприятным климатом.

Касаясь собственно значения климата, Валькенберг заявляет: „Жизнь человека устанавливает связь с климатом многими путями. Климат ограничивает вид пищи, которую человек может добыть, и климат строго воздействует на человеческий образ жизни. Он также очень воздействует на жизнеспособность человека и является одним из факторов, влияющих на его культурные достижения. Климат и развитие политической мощи тесно связаны. Таким образом, совер-

шенно не случайно, что большая часть прогрессивных наций мира расположена в умеренных районах¹⁶. Как мы видим, он, подобно некоторым вышеуказанным авторам, начинает рассмотрение роли климата в обыденной жизни человека и, постепенно преувеличивая эту роль, делает далеко идущие обобщения.

Следует отметить, что Валькенберг не выражается о роли климата так определенно, как это делали Хентингтон, Вишер, Атвуд, но на деле ни на йоту не отступает от хентингтоновской теории о роли климата. Правда, Валькенберг, определяя роль климата в том или ином общественно-экономическом явлении, всегда прибегает к таким спасительным вводным выражениям, как „в известном смысле“, „частично“, „до некоторой степени“, „в частности“ и т. д., но это никак не может прикрыть его взглядов относительно роли климата.

Приведем пример. Касаясь причин возникновения гражданской войны в США в прошлом столетии, Валькенберг пишет: „Гражданская война была, в известном смысле, конфликтом, базирующимся на климате“¹⁷. Итак, хотя и „до некоторой степени“, но конфликт базировался на климате а философское и экономическое развитие также обуславливалось климатом. Таким образом, пути подхода к явлениям различны, а выводы совершенно одинаковы.

Идя дальше, Валькенберг и судьбы войн между государствами видит в климате и погоде. Он один из тех, кто до сих пор упорно поддерживает миф о том, что русская зима была одной из главных причин победы советского народа над гитлеровской Германией. „Страдания, причиняемые зимой, — заявляет ван Валькенберг, — когда плохо экипированные немецкие армии обороняли себя от постоянных русских атак, были одним из факторов, когда разрушился дух немецких солдат и обеспечил русским вдохновение к победе“¹⁸. Вот до каких выводов можно прийти, совершенно оторвавшись от реального положения вещей. Вместо этого, Валькенберг предпочитает теоретически обосновывать рожденный геббельсовской пропагандой миф о „генерале-зиме“.

* *

Таким образом, подавляющее большинство современных американских географов склоняется к абсолютизации роли географической среды. Но в последние годы ощущается все более растущая тенденция среди самих американских ученых в сторону опровержения основных положений этого направления. Следует также отметить тот факт, что в американской географии пока нет трудов, написанных с марксист-

¹⁶ S. Van Valkenburg, *Elements of Political Geography*, 1954, p. 63.

¹⁷ Там же, стр. 73.

¹⁸ Там же, стр. 76.

ских позиций. Лишь очень малое количество работ можно назвать прогрессивными — в смысле стремления правильно понять те общественные явления, которые вытекают из экономической и социальной жизни народов. Но даже эти немногие голоса совершенно тонут в многоголосном хоре откровенных апологетов американского империализма.